

КОРНИ ДРУЖБЫ

ПОИСКИ, НАХОДКИ

ВЫСОКО над Влтавой среди раскинувшихся по холмам садов вознеслись строения Страгова монастыря. Различные архитектурные стили воплотились в них с XII века, когда был основан этот монастырь. Вместе с ними запечатлелись в камне и события многовековой истории Праги, в которой Страгов играл важную роль — в самом этом названии заключено понятие «страж». Но не только оборонительным значением прославился монастырь-крепость. В великолепных залах его библиотеки издавна собирались уникальные рукописи, редкие печатные издания.

В 1953 году по решению правительства Чехословакии в бывшем монастыре разместился музей чешской литературы. Так старый Страгов вновь стал стражем, теперь — сокровищ чешской культуры. Да и не только чешской.

Мы беседовали с заместителем директора музея Аленой Шахловой, когда сотрудник архива Ян Вагнер положил на стол пушкинский автограф — черновик стихотворения «Послание к Делии». На оборотной стороне листа — шифр архивного хранения с добавлением слова «наиважнейший».

О том, как он попал в Прагу, свидетельствует надпись красными чернилами на полях: «Автограф А. Пушкина, писанный им еще в годы воспитания в Лицее (1811—1817). Взял из остатков Лицейского архива, подаренного Гроту товарищем Пушкина, покойным адмиралом Матюшкиным. Жертвую этот автограф в Чешский музей. 18/30 апреля 1878 года. Я. Грот».

Можно понять, что побудило известного пушкиниста прошлого века расстаться с реликвией, подаренной его отцу — академику К. Гроту лицейским товарищем поэта. Отец и сын Гроты принадлежали к числу россиян, горячо сочувствовавших борьбе чехов за национальное освобождение и закладывавших фундамент культурных связей между нашими народами.

В доме-музее композитора Дворжака в городке Нелагозевес я увидел фотографию П. И. Чайковского с дарственной надписью: «Моему дорогому и глубокоуважаемому другу Антону Дворжаку от искреннего почитателя. П. Чайковский. 20/8 февр. 88». Чайковский дирижировал тогда в Праге, где, кстати, была впервые за рубежом исполнена его опера «Евгений Онегин». В те же годы в Петербурге работал будущий автор оперы «Дубровский» чех Э. Ф. Направник...

Не случайно, конечно, что начало сближения и взаимопроникновения наших культур относится к периоду утверждения национального самосознания чешского народа. Не

случайно и то, что в этом процессе как бы незримо участвовал великий поэт России.

Я думал об этом, принимая недавно от чехословацких друзей дары для музеев Пушкина в Москве и Ленинграде — редкие, отсутствовавшие в наших собраниях изображения дочери и внуки М. И. Кутузова — Е. М. Хитрово и Д. Ф. Фикельмон. Известно, какое место занимали они в жизни и творчестве Пушкина.

Напомню, что дочь Кутузова Елизавета Михайловна была в первом браке замужем за флигель-адъютантом своего отца Ф. И. Тизенгаузеном, скончавшимся от ран, полученных в Аустерлицкой битве при обстоятельствах, послуживших позже Л. Н. Толстому основой для написания в романе «Война и мир» сцены ранения князя Андрея — в трудный момент боя он увлек за собой в атаку солдат.

Оставшись вдовой с двумя дочерьми, Елизавета Михайловна несколько лет спустя вышла замуж вторично — за Н. Ф. Хитрово, назначенного вскоре русским посланником во Флоренцию, где он и умер. Елизавета Михайловна, жившая еще некоторое время в Италии, выдала там замуж свою дочь Дарью за австрийского дипломата Ш.-Л. Фикельмона, получившего затем пост посланника в Петербурге.

В их доме на берегу Невы часто бывали Пушкин, Жуковский, Вяземский и другие деятели русской культуры. Известны письма Пушкина, адресованные Е. М. Хитрово и ее дочерям. Д. Ф. Фикельмон, послужившая прообразом героини нескольких его произведений, оставила в своем дневнике подробную запись об обстоятельствах гибели поэта. Для ее сестры Екатерины Пушкиным было написано стихотворение «Циклоп».

Впоследствии Фикельмоны жили вместе с семьей своей дочери — в замужестве Кларис-унд-Альдринген в Венеции

и чешском городе Теплице, входивших тогда в состав Австрийской империи. Так там оказались семейные портреты людей, принадлежавших к окружению русского поэта.

Однако местонахождение этих портретов в Чехословакии оставалось неизвестным до тех пор, пока поисками не занялись чехословацкие исследователи. Одна из них — историк Сильвия Островская, дочь партизана, расстрелянного гитлеровцами, еще раньше опубликовала в журнале Союза чехословацко-советской дружбы обнаруженную ею в архиве фотографию внуки Кутузова. Другая — искусствовед Квета Кржижова, тоже дочь партизана, — сотрудник Института охраны памятников культуры и природы. Благодаря их знаниям и энтузиазму эти портреты, оказавшиеся после национализации в 1945 году теплицкого дворца в запасах одного из музеев под Прагой, обрели новую жизнь, обогатив изобразительную Пушкинину.

Но на этом находки не кончились. Так, в частности, советскими журналистами был обнаружен считавшийся бесследно пропавшим бюст Е. М. Хитрово, выполненный в бисквите — дважды обожженном и не покрытом глазури фарфоре. При этом он нашелся сразу в трех экземплярах, а теперь в Теплице разыскали и аналогичный мраморный бюст, служивший моделью для изготовления бисквитных копий. Музей Пушкина в Москве обратился к чехословацким друзьям с просьбой выделить для него одну из копий этого бюста, чтобы пополнить ту часть коллекции, которая при содействии Генерального консульства СССР в Милане поступила от потомков Д. Ф. Фикельмон, живущих в Италии.

Ценная находка выпала два года назад на мою долю: неизвестное полотно с изображением дочери Фикельмонов Елизаветы-Александры работы К. П. Брюллова, который тогда же был впервые опубликован в «Правде». На этот раз я вновь видел его, но уже в мастерской художника-реставратора Алены Весела. Тщательно расчищенный ею, он блистает великолепием сочных красок замечательного русского художника.

Немало интересного нашлось и в отделе графики Национальной галереи в Праге, куда после войны из теплицкого дворца поступило собрание гравюр и литографий. Просматривая их с Кветой Кржи-

жовой и сотрудником галереи Яном Ассманном, мы нашли, в частности, портрет П. А. Вяземского со сделанной его рукой надписью, несколько экземпляров литографированного портрета Д. Ф. Фикельмона.

Передавая теперь два из них для наших музеев, директор Национальной галереи академик Иржи Коталик сопроводил их письмами, в которых есть такие примечательные слова: «Прошу принять этот дар в качестве выражения глубокого уважения к личности и творчеству А. С. Пушкина и свидетельства чехословацко-советской дружбы и сотрудничества в области культуры».

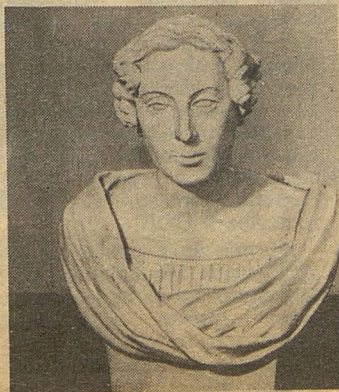
В свою очередь Роберт Штафф — директор краевого музея в Теплице, передавая бюст Хитрово для московского музея, рассказывал, что вернувшись к ним портреты друзей Пушкина будут вскоре выставлены для обозрения, делился заботами о том, как лучше издать иллюстрированный каталог.

Темой друзей Пушкина в Чехии заинтересовалась и газета «Руде право», посвятившая судьбе их портретов большую статью. Действительно, после создания носящего имя Пушкина музея в Словакии, о чем уже также сообщалось в «Правде», есть возможность сделать интересную пушкинскую экспозицию и в Чехии, что лежало бы в русле славной традиции, рождавшейся в период борьбы чехов за утверждение своей национальной культуры.

Н. ПРОЖОГИН.

(Спец. корр. «Правды»).

Прага — Москва.

На снимках: дары чехословацких друзей — бюст Е. М. Хитрово и портрет Д. Ф. Фикельмона.